

Ю. А. Соколов

Конформистское восприятие партийно-государственной пропаганды крестьянством Европейского Севера России в годы Гражданской войны

В статье рассматриваются конформистские настроения крестьянства Европейского Севера России по отношению к Советам в годы Гражданской войны. Данная форма общественной активности представляла собой внешний конформизм, который позволял деревне выстраивать диалог с властью. Публичное проявление лояльности по отношению к Советам давало сельскому социуму возможность избегать конфликтов с властью, производить кадровые перестановки в конкретной местности, а также обращаться за помощью к руководству губернии.

Ключевые слова: Гражданская война, Европейский Север России, крестьянство, пропаганда, конформизм, диалог между властью и обществом.

Ya. A. Sokolov

The Conformist Attitude of the Peasantry of the North-European Part of Russia to the Party-State Propaganda during the Civil War Years

The article considers the conformist attitude of the peasantry of the North-European part of Russia to the Soviets during the Civil War years. That form of the social activity was external conformism which allowed the country to make a dialogue with the authorities. Demonstration of loyalty to the Soviets in public provided an opportunity to the rural society to avoid any conflict with the authority, to make personnel changes in any particular locality, as well as to appeal to assistance of the leadership of the province.

Keywords: the Civil War, Northern European part of Russia, peasants, propaganda, conformity, a dialogue between authorities and society.

Конформизм можно охарактеризовать как морально-политическое и морально-психологическое понятие, обозначающее пассивное принятие существующего социального порядка, политического режима, а также готовность личности соглашаться с господствующими взглядами и общими настроениями, распространенными в обществе [1]. Подчеркнем, что вопросы, связанные с анализом стратегий восприятия широкими массами партийно-государственной пропаганды в молодом советском государстве, практически не поднимались ни в историко-партийной науке, ни в современной отечественной историографии. Пожалуй, единственным опытом в изучении вопросов, связанных с феноменом конформизма в российском обществе, является монография С. В. Ярова «Конформизм в Советской России», посвященная изучению характера конформистских настроений в советском обществе в 1920-е гг. [2].

Наше исследование мы построили на материалах Вологодской, Северо-Двинской и Череповецкой губерний, традиционно объединяемых в исследовательской литературе как экономически,

культурно и этноконфессионально гомогенный регион, обозначаемый понятием Европейский Север России. Свидетельствами проявления конформистских настроений в крестьянских массах по отношению к советской власти мы можем назвать резолюции, составившиеся по итогам массовых агитационных мероприятий, собраний и сходов. Другой вид документов, запечатлевший массовую поддержку власти населением, представляет собой ангажированные, партийного происхождения газетные репортажи и заметки. Однако, характеризуя данные виды источников, мы не можем говорить об их репрезентативности, в силу того, что подобные свидетельства обычно создавались в партийной среде и преследовали за собой пропагандистские цели. В силу этого нас привлек такой вид источников, как отчеты агитаторов и совработников, занимавшихся пропагандой. Кроме того, нами была изучена рабочая переписка партийных ячеек, а также служебные письма партработников. Данные свидетельства, создававшиеся для внутреннего пользования, имеют высокий уровень обобщения ин-

формации и содержат ценные сведения о настроениях в регионе.

Значительный пласт исследованных нами документов отражает полностью сконструированные в агитаторских отчетах ситуации конформистского воодушевления крестьянства на агитационных мероприятиях [3]. В связи с этим подчеркнем обилие оценок в документах партийного происхождения, преувеличивающих общественную активность северной деревни и ее лояльность к власти в силу личных интересов самих агитаторов, отчитывавшихся таким образом об исполнении партийных заданий и пытавшихся подчеркнуть собственный профессионализм [4]. Отметим, что конформизм широких масс, сконструированный в документах партийного происхождения, был важен не столько для партийных комитетов, сколько именно для партработника, усваивавшего собственную идентичность, как «коммуниста» [2, с. 236–237].

Примером очевидного показного, сконструированного в большевистских документах крестьянского конформизма мы, безусловно, можем назвать факты писем и так называемых «покаянных» речей военнопленных белогвардейцев. На наш взгляд, данные свидетельства представляют исследовательский интерес, так как в них сохранена логика крестьянских рассуждений о советской власти, в том числе отсутствие понимания различий между противоборствующими в Гражданской войне сторонами [5]. Пленные белогвардейцы позиционировали себя в качестве жертв, силой удержанных врагом от посильного участия в революции («были лишены всякой возможности участвовать и помогать»). На наш взгляд, данная риторика пленных была единственно возможной, легитимировавшей их нахождение в стане большевиков и нацеленной на собственное восстановление в правах в силу принятия большевистских систем аргументации и демонстрации лояльности Советам [6].

Особый интерес для изучения крестьянского конформизма тех лет представляет собой доклад агитаторов Шабалина и Каратного, который был сделан ими по итогам собрания, проведенного среди мобилизованных на лесные работы крестьян (Северо-Двинская губерния, май 1919 г.). По итогам проведенного ими собрания пропагандисты отмечали, что население волости лояльно относилось к советской власти и не сомневалось в ее легитимности. Однако крестьяне во время общения с агитаторами выдвинули ряд требований (а именно, о выдаче хлеба и табака), взамен

принимая на себя обязательства по увеличению продолжительности трудового дня («мы бы вместо 8 часов стали работать 12 часов в сутки») [7]. Тем самым, крестьянство, недовольное трудовой мобилизацией, используя стратегию лояльности и демонстративный конформизм, пыталось обратить на себя внимание представителей власти. Заявление крестьян о согласии на увеличение трудового дня за предоставление пайков являлось не более чем предлогом для того, чтобы деревня могла заявить о своих насущных проблемах.

Необходимо подчеркнуть, что источники свидетельствуют об активном стремлении крестьян к сотрудничеству с Советами. Так, показательное выступление крестьянина, записанное в декабре 1918 г. агитатором А. С. Бурило в Кубенской волости: «Я готов идти к царству социализма, но желал бы узнать, хватит ли у меня достаточно материальных продуктов?» [8]. С одной стороны, оперирование аспектами политического мифа о построении социализма отвечало исконным мечтам крестьян о царстве справедливости и равенства, но с другой стороны, воспринималось ими скорее формально и исключительно для решения конкретной цели.

Пример выстраивания сельским социумом диалога с Советами мы находим в следующем свидетельстве. В январе 1919 г. в Шелотской волости Вельского уезда произошел инцидент, выразившийся в активном протесте крестьян по поводу выноса икон из волостного исполкома. В ходе данного инцидента столкновений местного населения с властью не произошло, а устроенная совработниками агитация в некоторой степени сняла напряжение в деревне. Как отмечает источник, «население значительно успокоилось, не требовало, а просило оставить иконы в исполкоме до тех пор, пока они (то есть крестьяне. – Ю. С.) не сумеют вполне понять ими слышанного» [9]. Как мы видим, восстановление status quo, устраивало обе стороны (и исполком, и селян). Так, попытка выноса икон из здания исполкома была сделана, пропаганда была произведена, крестьянских волнений на религиозной почве в волости удалось избежать, а факт оставления икон на прежнем месте давал основание местным коммунистам для новой волны антирелигиозной риторики. Фактически виновником в данном инциденте были названы «прежние» времена.

Проанализируем другой документ. Уникальным свидетельством является письмо вельских

крестьян, отправленное VIII уездному съезду Советов в июне 1921 г. Отметим, что группа крестьян, направивших данное письмо, была осуждена Вологодским губернским революционным трибуналом за мартовское восстание в Вельском уезде [10]. Форма сопротивления исполнению наказания крестьянами была найдена в перенятии советских пропагандистских штампов и имитации публичной конформистской позиции по отношению к советской власти. Подобного рода оправдательные аргументы, активно принимавшиеся на вооружение деревней, мы также встречаем в речах череповецких крестьян, называвших себя «угнетенными, оставленными без заработка», «пролетариями» (1922 г.) [11]. Граждане Вельского уезда оправдывали причины произошедшего восстания, облекая на себя рисуемый коммунистами образ «темных» реакционных элементов, сумевших, тем не менее, осознать свои «ошибки» и готовых к сотрудничеству с Советами ради «общего дела». Мы можем констатировать, что подобное «покаянное» письмо выявляет весьма умелое использование идеологием советской власти автором данного послания.

Именно с влиянием ранее усвоенной и воспринятой большевистской агитации мы можем связать конформистские заявления крестьян, которые, тем не менее, содержали ряд упреков, обозначавших их виденье насущных проблем. Так, подобный факт нами отмечен на Вологодской уездно-городской беспартийной женской конференции (февраль 1921 г.), в ходе работы которой крестьянские делегатки начали высказывать упреки в сторону горожанок. Так, источник отмечает следующее: «Крестьянки говорили работницам, что они живут гораздо лучше, чем крестьянки, что советская власть об них печется больше» [12]. Тем самым, пролетарская идеология советского государства становилась базой для упреков в дискриминации других ее, тоже трудящихся, слоев населения.

Подчеркнем, что нередко агитатор ассоциировался деревней как человек, способный восстановить справедливость в конкретной местности, в связи с чем мы отмечаем ряд свидетельств, содержащих данные о конформистских заявлениях крестьян, признававших советскую власть, но видевших в местных советских работниках «врагов деревни» [13]. Сельский социум использовал возможность высказывать на митингах и собраниях негодование относительно несправедливых и преступных, с их точки зрения, действий представителей местных исполкомов. Пропагандист

В. Корицын, занимавшийся агитацией в Устье-Алексеевской волости в сентябре 1919 г., отмечал в своем донесении следующую ситуацию: местные крестьяне соотносили советскую власть с действиями местного исполкома, в связи с чем, по его мнению, у них и сложилось «неправильное», отрицательное отношение к Советам [14]. Можно предположить, что подобная логика рассуждений была явной агитаторской уловкой, благодаря которой пропагандисту удавалось выстроить новые обещания и осудить советские органы на местах, что, по сути, являлось типичным проявлением популизма.

Стоит отметить, что сельский социум перенимал практику создания политических мифов и пасквилей о «врагах» и «героях» революции. Однако мы можем предположить, что за критическими высказываниями крестьян, характеризовавшими местную власть («бывшие помещики», «подрывало советскую власть»), зачастую стояла или личная неприязнь, или ощущение явной несправедливости и диссонанса у сельского социума между пропагандируемыми большевиками идеями и их воплощением в жизнь в конкретной волости [15].

Конформистская позиция крестьянства во взаимоотношениях с властью являлась моделью поведения, представлявшей собой конформизм внешний, который позволял реципиенту агитации не только воспринимать и интерпретировать контент, полученный на собраниях и митингах, но еще и обращаться с вопросами к пропагандисту или соработнику, отстаивать свою точку зрения. Подчеркнем, что, воспринимая пропаганду, крестьяне видели несоответствие предлагавшихся большевиками идей с реальными шагами власти. Однако деревня, используя усвоенные большевистские идеологемы, пыталась выстраивать диалог с властью. Формальный конформизм давал крестьянству очевидное пространство для маневра, обеспечивавшего возможность решения локальных проблем сельского социума. Публичное проявление лояльности по отношению к Советам позволяло деревне избегать конфликтов с властью и восстанавливать, с точки зрения крестьян, справедливость в своей волости (через проведение кадровых перестановок, наказание виновных, обеспечение продовольствием конкретного района и сохранение «покоя» святынь). Однако в ряде случаев мы отмечаем выстраивание деревенским социумом диалога с властью и через акты формального признания своих прежних «идеологических

ошибок» (например, после случившихся инцидентов крестьянских волнений). Таким образом, конформизм северного крестьянства в годы Гражданской войны был весьма прагматичной стратегией деревни по восприятию советской власти и выстраиванию с ней взаимоотношений.

Примечания

1. Философия: Энциклопедический словарь [Текст] / под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/555/КОНФОРМИЗМ (дата обращения: 15.12.2011).

2. Яров, С. В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов [Текст] / С. В. Яров ; Санкт-Петербургский Институт истории РАН. Европейский университет в Санкт-Петербурге. – СПб.: Европейский Дом, 2006. – 560 с.

3. ВОАНПИ (Вологодский областной архив новейшей политической истории) – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 93. – Л. 10, 12; – Ф. 259. – Оп. 1. – Д. 164. – Л. 164 об; – Ф. 1853. – Оп. 3. – Д. 46. – Л. 32–33.

4. Там же. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 93. – Л. 11; – Ф. 1853. – Оп. 3. – Д. 3. – Л. 73.

5. ВОАНПИ. – Ф. 1853. – Оп. 2. – Д. 56. – Л. 184; – Оп. 3. – Д. 73. – Л. 5.

6. Ипатов, В. Н. Митинг русских военнопленных, возвратившихся на Родину [Текст] / В. Н. Ипатов // Красный Север. – 1920. – 2 сентября.

7. ВОАНПИ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 250. – Л. 48 об.

8. Там же. – Ф. 1853. – Оп. 2. – Д. 56. – Л. 26.

9. Вельский уезд. Отрыжка прошлого [Текст] // Известия Вологодского губернского исполнительного комитета. – 1919. – 28 января.

10. Государственный архив Вологодской области. – Ф. 585. – Оп. 2. – Д. 44. – Л. 210.

11. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 33. – Д. 44. – Л. 232.

12. Уездно-городская беспартийная женская конференция [Текст] // Красный Север. – 1921. – 20 февраля.

13. ВОАНПИ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 506. – Л. 10 – 10 об.

14. Там же. – Д. 252. – Л. 69 – 70.

15. Там же. – Ф. 1853. – Оп. 2. – Д. 56. – Л. 126.